МАРИНА СЕРОВА

ЭКСТРИМ ПО ПРАЗДНИКАМ

Литрес

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Экстрим по праздникам

«Научная книга»
2003

Серова М. С.

Экстрим по праздникам / М. С. Серова — «Научная книга», 2003 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Продукция винзавода 'Ковчег' пользовалась в городе заслуженной популярностью, ведь его владелец Арсен Кечаян привез из Армении рецепты приготовления потрясающего вина. Да только чужой успех всегда встает кому-то поперек горла – неизвестные угрожают расправиться с семьей Арсена, если он не покинет город. Кажется, телохранителю Жене Охотниковой – а именно к ней обратился винодел – есть над чем поработать. Однако, как выяснилось, в ее услугах нуждается не только Кечаян, но и его жена. Лина призналась Жене, что до замужества была проституткой и теперь ее кто-то шантажирует. Непросто заниматься двумя делами одновременно, особенно если любящие супруги тщательно скрывают друг от друга свои 'скелеты в шкафу' . Так что Жене придется изловчиться, чтобы спасти жизнь обоим!

© Серова М. С., 2003
© Научная книга, 2003

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 17
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Марина Серова
Экстрим по праздникам

Глава 1

Дольф обнюхал мои кроссовки, тяжко вздохнул и уселся рядом с лавочкой, положив свою собачью морду мне на колени. Хвостик-прутик стучал по земле, квадратный нос двигался из стороны в сторону, глаза не мигая смотрели на меня. Я погладила пса по его смахивающей на здоровенный кабачок морде, и он тут же вскочил.

– Ну что, нагулялся? Дашь мне завтра поспать, бандюга?

«Бандюга» подпрыгнул и попытался лизнуть меня в нос. Неправильный все-таки бультерьер, слишком добрый и ласковый. Хотя говорят, что все зависит от воспитания. Можно и из пуделя сделать монстра, а вот такой, с виду грозный, сторож будет с радостной мордой встречать всех, кто входит к вам в квартиру. Дольф как раз был из таких «сторожей». Людей любил до безумия, дружил с котами, маленьких детей просто обожал. Менялся на глазах он только в одном случае – когда в его поле зрения оказывался другой кобель. Если хозяева не успевали прицепить поводок, то все – кранты их псу. Сам же Дольф, благодаря своему небольшому росту и юркости, практически всегда выходил из боя победителем, с наименьшим количеством травм. Там, где я сейчас с ним гуляла, кобелей было предостаточно, поэтому я пристегнула поводок и направилась к дому в сопровождении пыхтящего спутника.

Весенняя набережная Тарасова в вечернее время напоминала муравейник. Казалось, половина города отправилась сюда на прогулку. Старички и старушки оккупировали все лавочки верхнего и средних ярусов днем, а вечером здесь царствовала молодежь. Из летних кафе, которые в этом году появились довольно рано, доносилась громкая музыка и смех отдыхающих тинейджеров. На лавочках целовались влюбленные парочки.

Около ступенек, уходящих в Волгу, толпились желающие искупаться. Собаководов, выгуливающих своих питомцев, было раз в десять больше, чем в такое же позднее время зимой. Рано наступившая в этом году весна, стремительно переходящая в лето, вытащила на улицу всех – от мала до велика.

Но ни к тинейджерам, ни к влюбленным, ни к собаководам я себя не отношу, а собачку мне дали на время. Мои соседи – молодая семья – уехали отдыхать в Египет, а их любимца не с кем было оставить, вот и попросили меня приглядеть за своим сокровищем. Хлопот он никаких не доставлял, меня и мою тетушку Милу слушался беспрекословно, а прогулки с ним я удачно совмещала со своими пробежками. Именно с вечерней прогулки мы сейчас и возвращались.

Около нашего дома я отпустила собаку еще раз сделать все свои очень важные дела. Лампочки в нашем дворе светили через одну, поэтому, дойдя до своего подъезда, я не сразу увидела громадный черный джип. Около него стояли трое молодых людей и широко открытыми глазами смотрели себе под ноги. Проследив за их взглядами, я обнаружила Дольфа, который смотрел на незнакомцев и радостно «улыбался». Вообще-то, только я в данной ситуации понимала, что он улыбается. Со стороны это выглядело довольно жутковато.

– Не бойтесь, он не тронет, – начала успокаивать я молодых людей. – Он вам так радуется. Он вообще не кусается. В принципе.

– Насколько я знаю, когда собака радуется, она хвостом виляет, – с едва заметным акцентом произнес один из них.

После этих слов Дольф «улыбнулся» еще шире и как бешеный замахал хвостом. Парни облегченно вздохнули.

– Видите ли, он не слышал вашего голоса и в силу своей воспитанности и природной скромности не мог определить, хотите ли вы с ним общаться. Но теперь все в полном порядке. Можете идти дальше.

Тот же голос с досадой произнес:

– Знать бы, куда нам дальше. Мало того, что полтора фонаря на весь двор, так еще и номера квартир не указаны на подъезде, и кодовые замки везде, а спросить не у кого.

– Я здесь живу и, возможно, смогу вам чем-нибудь помочь, – сказала я, оттаскивая собаку, которая намеревалась уже лезть к парням «целоваться».

– Нам нужна квартира… – и он назвал номер. – Вы знаете, где такая?

– Еще бы, конечно, знаю. Отчего не знать? Я в ней живу.

– А Евгения Охотникова вам кем приходится? – поинтересовался молодой человек.

– А это я.

Парни молча направились ко мне. Ну вот, подумала я, наверное, кто-то попросил их набить мне морду. А какой хороший вечер был, так приятно начинался. Я напряглась. С троими я справлюсь достаточно легко, но Дольф, который все это время крутился под ногами, мне немножко мешал. Однако драться, к счастью, не пришлось. Парень сказал:

– Мы ищем вас, Евгения Максимовна. С вами хочет встретиться наш босс. Вы ему очень нужны. Он просил без вас отсюда не уезжать.

Теперь, когда они, наконец, вышли из темноты и встали под одним из двух имеющихся у нас во дворе фонарей, я смогла их толком разглядеть. Здоровенные, выше меня ростом молодцы с широченными плечами, похожие друг на друга, – они сперва показались мне если и не близнецами, то, во всяком случае, братьями. Когда я пригляделась повнимательней, мне стало понятно, что в родстве парни не состоят. В кавказских национальностях я разбираюсь не очень хорошо, но когда тот, кто все это время со мной разговаривал, представился, я поняла, что передо мной сыны Армении.

– Меня зовут Сурен. Можно просто Сурик. А моего хозяина – Арсен Баграмович Кечаян. Слышали о таком? – Сурен вопросительно на меня посмотрел. Ему было на вид около тридцати лет. Высокий черноволосый крепыш с приятным лицом.

Кто же в нашем городе не слышал фамилию Кечаян?! Владелец винного завода и сети винных же магазинов под названием «Ковчег». Тетка моя мне про него рассказывала, после того как в какой-то в газете прочитала интервью с ним. Там он говорил, что название «Ковчег» вызывает у него ассоциацию с Арменией, с горой Арарат, на которой Ной построил ковчег, чтобы спастись на нем от Всемирного потопа. В нашем же городе у него будет «построен» свой, только поменьше. Образованный, видимо, мужчина…

Из размышлений меня вырвал голос Сурика:

– Хозяин хочет вас видеть, сейчас. Вы можете ехать сразу, или вас подождать немного?

– Подождите, – согласилась я. – Только собаку домой отведу и выйду.

Спрашивать, по какому поводу хочет меня лицезреть Кечаян, я не стала. Вряд ли парни в курсе, они же скорее всего лишь шестерки.

– Только не задерживайтесь, пожалуйста, Евгения Максимовна.

– Постараюсь, – ответила я и направилась в подъезд, волоча за собой упирающегося Дольфа. Пес был явно разочарован тем, что ему не дали познакомиться поближе с таинственными незнакомцами.

На пороге дома меня встретила тетя Мила. Запах пирогов с грибами приятно щекотал ноздри.

Моя тетушка больше всего на свете любит две вещи: детективы и кулинарию. Читала она запоем – если брала в руки книгу, то, не отрываясь, дочитывала ее до конца. Прервать это занятие могли только две вещи – запах пригорающего пирога или шипение на плите убегаю-

щего молока. Готовит же тетушка так, что даже самые помешанные на диетах ее приятельницы забывают о толщине своей талии при виде кулинарных шедевров тети Милы.

– Как ты вовремя, Женечка, – прощебетала тетя Мила. – Я пирог только из духовки достала. Грибной пирог нужно есть горячим. У холодного вкус уже не тот, да и аромата такого нет. Я специально старалась к твоему приходу успеть. Чай свежий заварила, чашки из сервиза своего любимого достала. Сейчас и сядем с тобой ужинать. А тебе я кость приготовила, борщ сегодня варила и косточку потом достала. Такая вкусная косточка, мозговая. Пойдем скорее, я тебе ее отдам… – Это тетушка, не меняя интонации, заговорила уже с Дольфом. Они вместе отправились на кухню, а я, вздохнув, пошла переодеваться. Мысли о пироге пришлось выкинуть из головы. Внизу меня ждали люди Кечаяна.

Выходя из комнаты, я наткнулась на тетю Милу.

– Ты куда собралась? А как же пирог? – расстроенно спросила она.

– Потом, тетя Мила, мне надо срочно уехать. Во сколько вернусь – не знаю. Если не приду ночевать, то ты не переживай, ложись спать, а с утра погуляй с Дольфом.

Чмокнув тетю в щеку, я вышла из квартиры. Жалко было тетку расстраивать, но такая уж у меня беспокойная жизнь.

Я сама решила стать телохранителем. Когда я родилась, то мой отец, генерал Охотников, был, мягко говоря, расстроен тем, что родилась девочка. Женей меня назвали потому, что это имя как бы среднего рода, подходит как мальчикам, так и девочкам. Воспитывалась я в спартанских условиях, училась в соответствующем военном вузе, в народе именуемом «Ворошиловкой». Там готовили военных переводчиков, но, помимо иностранных языков, мы изучали огромное количество спецпредметов.

Таким образом, после окончания данного вуза каждый из нас не только в совершенстве владел несколькими языками, но мог, например, в одиночку отразить нападение роты вооруженных до зубов головорезов. После получения диплома с отличием я еще пару лет совершенствовала свое боевое мастерство в специальном отряде «Сигма», в котором получила прозвище Хамелеон за умение в считаные минуты менять внешность с помощью подручных средств так, что мать родная не узнает. И вот только потом я решила стать телохранителем.

– Для женщины вы достаточно быстро собрались. – Сурик сел рядом со мной на заднее сиденье.

Тонированные стекла джипа – а это, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, был «Форд Навигатор» темно-синего цвета, а не черного, как мне вначале показалось, – скрывали нас от посторонних глаз. Абсолютно бесшумно машина тронулась с места.

– Арсен Баграмович ждет нас в своем ресторане «Пещера Дракона». Мы будем там через пару минут.

О как! Оказывается, у него еще и кабаки есть. «Владелец заводов, газет, пароходов…»

«Пещера Дракона» находилась в центре Тарасова, на перекрестке двух улиц – шумной Чапаева и тихой и неприметной Гоголя.

Вход в ресторан был как раз со стороны Гоголя, и о том, что за поворотом находится питейное заведение, говорила светящаяся неоновыми огнями голова этого самого дракона, в чью пещеру мы сейчас направлялись. Около ресторана находилась очень удобная автостоянка для посетителей, на которой сейчас были припаркованы несколько автомобилей.

«Интересно, на какой тачке ездит Кечаян? Скорее всего вот на том белоснежном „шестисотом“ „Мерседесе“». Самая солидная машина на стоянке, остальные как-то не вяжутся с имиджем «винного барона». Размышляя над соотношением уровня жизни некоторых тарасовцев и наличием у них соответствующего этому уровню «железного коня», я в сопровождении Сурена и двух его молчаливых «коллег» вошла в ресторан.

«Пещера Дракона» оправдывала свое название. Приглушенный свет, кроваво-красные стены. Повсюду торчащие из пола каменные сталагмиты и свисающие с потолка сталактиты

выглядели весьма натурально. Казалось, мы на самом деле попали в пещеру и сейчас с грозным ревом, изрыгая огонь из пасти, откуда-нибудь из гардероба или из подсобных помещений выползет дракон. А храбрые официанты, которые в этом заведении были наряжены в пластмассовые кольчуги, отбросив в сторону подносы с тарелками, вынут из-за пояса чудо-мечи, изготовленные из той же самой пластмассы, и снесут дракону все головы, которые у него остались после предыдущих вылазок. Все это произойдет под чавканье посетителей, на лицах у которых будет написано полное безразличие – дескать, и не такое видали.

В глубине зала, рядом с бассейном за столиком сидел мужчина средних лет в строгом темном костюме. При нашем приближении он встал, отодвинул еще один стул и сделал приглашающий жест рукой:

– Я вас жду, Евгения Максимовна.

Кечаян, вопреки моим ожиданиям, оказался высоким красивым мужчиной лет тридцати пяти – сорока с представительной внешностью и полным отсутствием кавказского акцента в речи. Я ожидала увидеть нечто толстое, пузатое и низенькое, издающее с армянским акцентом восклицания типа: «Вах, какой красивый девушка пришел». Мне вдруг стало стыдно, что я могла такое подумать о столь элегантном мужчине.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Очень рад вас видеть. Мне именно так вас и описывали. Но я приятно удивлен, что вы намного красивее, чем мне говорили.

«И кому же мне за рекламу спасибо сказать?» – подумала я про себя, а вслух произнесла:

– Надеюсь, я не заставила вас ждать слишком долго.

При виде этого импозантного мужчины мне сразу как-то стало неловко в своем простеньком бежевом брючном костюме. Рядом с ним надлежало блистать в каком-нибудь невероятном вечернем наряде, благоухая ароматами и сверкая бриллиантами… Ох, что-то тебя, Охотникова, не в ту сторону понесло…

– Что-нибудь выпьете, Евгения Максимовна?

– Да, спасибо. Я бы не отказалась от холодного ананасового сока. На улице май месяц, а жара стоит под тридцать… А называть меня вы можете просто Женей.

– Вот как? Очень хорошо. Я почему-то думал, что вы высокомерная особа и что с вами надо будет на «вы» и по имени и отчеству разговаривать, хотя мне и сказали, что вы молоды. В таком случае и меня зовите просто Арсен. Между прочим, самые близкие друзья иногда зовут меня Сеней. Я же не совсем армянин. Вернее, почти совсем не армянин: мать моя русская, а отец наполовину русский, наполовину армянин. Они познакомились в этом городе, когда оба учились в медицинском институте. Отец родом из Армении, а мама местная. Здесь они поженились, и мой отец остался работать и жить в Тарасове. Он руководил клиникой кожных болезней. Мама работала там же. Все было хорошо, пока не случилось несчастье… – Кечаян достал из кармана пачку леденцов «Минтон», а затем заговорил снова: – Извините, у меня немножко горло побаливает. Наверное, в машине продуло. Так вот, мне было двадцать пять лет, моя младшая сестра собралась выйти замуж. Жених жил в другом городе, и наша семья отправилась знакомиться с его родителями, а я остался сдавать экзамены. Мы с сестрой Кариной тоже, как родители, учились в медицинском институте. Только я закончил его, а она нет. Они не доехали до пункта назначения – попали в автокатастрофу. Погибли все сразу. Родственников никаких здесь, в Тарасове, у меня не осталось, пришлось самому вставать на ноги. Какое-то время поддерживали папины друзья, а потом настали странные для России времена, когда профессор стал зарабатывать меньше дворника… Я вас не слишком утомил, Женечка?

– Да нет, что вы, Арсен, мне очень интересно. Продолжайте, пожалуйста.

В это время принесли ананасовый сок для меня и минеральную воду для Кечаяна. Заметив мой слегка удивленный взгляд, Арсен улыбнулся:

– Вы удивлены, что производитель вина не пьет его? Просто мне сегодня придется сесть за руль. А вообще я очень люблю вино, в особенности то, которое произвожу сам. Моему

предприятию недавно исполнилось пять лет. Когда я решил создать это производство, то специально ездил в Армению к родственникам отца и привез оттуда технологию изготовления потрясающего вина. Некоторые рецепты были частично утеряны, и в течение нескольких лет на моем предприятии специально приглашенные и известные на всю Армению виноделы шаг за шагом восстанавливали божественный напиток. На данный момент все мои вина изготавливаются именно по тем рецептам и технологиям, по которым их делали мои далекие армянские предки. На этом, пожалуй, лирика заканчивается. Женя, мне очень нужна ваша помощь, в той ситуации, которая сейчас сложилась вокруг меня, моей семьи и вокруг «Ковчега». Видимо, кому-то очень не нравится то, как у меня идут дела. Несколько недель назад мне начали угрожать.

Голос Кечаяна стал серьезным, в нем появились металлические нотки.

– Угрожать? Вы знаете, кто это делает, Арсен? – спросила я.

– К сожалению, нет. Но мое личное мнение, Женя, таково: это очень подлые и низкие люди.

– Почему вы так думаете?

– Они оскорбляют меня, намекают на мою национальную принадлежность, хотя вы теперь знаете, что я практически русский. Мои фамилия и отчество достались мне от отца, а вот имя они с мамой специально придумали такое, чтобы можно было меня называть как на армянский, так и на русский лад.

– Я слышала, что и завод свой вы назвали по ассоциации с Арменией, с горой Арарат и библейским Ноем.

Арсен усмехнулся:

– Ах, вот вы о чем! Вы про ту статью в газете. Да, тогда я журналисту и про Арарат говорил, и про Ноя. Но я упоминал это потому, что Ной собрал в своем ковчеге всех животных для того, чтобы не прервался их род. Чтобы и после потопа на земле продолжалась жизнь. Мой же «Ковчег» возрождает древние традиции армянского виноделия. Но журналист все переврал и получилось так, будто я до сих пор не могу спокойно воспринимать то, что живу здесь, а не в Армении. И что я непременно хочу создать в Тарасове некий «армянский квартал» по аналогии с нью-йоркским Гарлемом, куда даже днем белые стараются не заходить. Поверьте мне, Женя, я люблю наш город и стараюсь по мере своих возможностей сделать для него что-то хорошее, такое, чем бы тарасовцы могли гордиться. Возьмем, к примеру, «Ковчег» и то, что я выпускаю. Наши вина – натуральный продукт. Я все-таки закончил мединститут и поэтому являюсь противником всякой химии. Знаю, насколько она вредна.

Арсен замолчал, я ждала, когда он продолжит. Мне показалось, что ему тяжело говорить на тему, которая его беспокоит.

– Стоит ли вам говорить, Женя, какое отношение сейчас к нам, «лицам кавказской национальности». Я себя считаю как русским, так и армянином. Но… Ведь нельзя каждому рассказывать, кто мои родители. Возможно, по телефону звучат не реальные угрозы. Может быть, это дело рук хулиганов или просто людей недалеких. Поймите, Женечка, у меня семья. Я знаю, что такое остаться без отца. Моему сыну Баграму всего четыре годика. Я обязан поднять его на ноги, дать ему все то, что не смог дать мне мой отец. И потом – моя жена Лина сейчас беременна. Мы с ней хотим, чтобы теперь у нас родилась девочка. Я назову ее Кариной. В память о сестре.

Арсен опять умолк. Он залпом выпил стакан минеральной воды. Рядом, словно из-под земли, вырос официант с подносом, убрал пустой стакан, поставил новый, наполненный все той же минералкой, и опять провалился под землю. Арсен едва заметно кивнул головой.

– Женя, я хочу, чтобы вы стали моим телохранителем.

Он внимательно смотрел мне в глаза.

– Мне известно, сколько вы берете за свои услуги. Я буду платить вам в четыре раза больше – по количеству всех членов нашей семьи, настоящих и будущих. Что вы на это скажете? Вам нужно время, чтобы подумать?

– В течение какого срока вы будете нуждаться в моих услугах?

– В течение недели, а там – по обстоятельствам. Я думаю, если мне угрожает кто-то из конкурентов, то за такой срок он каким-нибудь образом даст нам это понять. Если и напрямую не объявит, то можно будет самим догадаться, я так думаю. А уже тогда нужно будет принимать соответствующие меры.

– Может быть, вы и правы. Арсен, вы не могли бы как можно точнее пересказать то, что говорили угрожавшие вам люди?

– Конечно, могу, Женечка, я их очень хорошо запомнил. Не каждый же день такое происходит. Первый звонок был во вторник, четвертого мая. Позвонили мне домой часов в десять вечера. Лина только что уложила спать Баграмчика, мы сидели с ней в гостиной и смотрели телевизор. Раздался звонок, жена взяла трубку, а затем передала ее мне. Голос звонившего был совершенно спокойный. Он поздоровался, спросил, как у меня дела, назвал меня по имени-отчеству, очень вежливо со мной разговаривал. В начале нашего разговора я был уверен, что это кто-нибудь из моих знакомых.

Я ответил, что все хорошо, что дела идут прекрасно, и поинтересовался, с кем я разговариваю. Но мой вопрос позвонивший как бы не заметил и сказал, что неплохо бы мне покинуть этот город вместе со всей своей семьей. Причем чем быстрее, тем лучше. Я опять спросил, кто звонит, но тут же раздались короткие гудки. Лине я сказал, что ошиблись номером.

Арсен нервно барабанил пальцами по столу. Говорил он медленно. Я его не торопила.

– В следующий раз позвонили в пятницу, седьмого, но уже в офис. Звонивший сказал примерно следующее: «Какие вы все-таки чурбаны бестолковые. Ему говорят, чтобы он валил из Тарасова, а он сидит у себя на работе и трубки хватает. Прошу тебя по-хорошему, не доводи до греха. Собирай манатки». Определитель номера ничего не высветил, но в принципе понятно, что такие звонки обычно делаются из телефонов-автоматов. Последний раз позвонили сегодня утром. Жена обычно по воскресеньям вместе с сыном отправляется в бассейн. Но в этот раз она плохо себя почувствовала и осталась дома. Я был в спальне вместе с ней, когда раздался звонок. Этот разговор я вам пересказывать дословно не буду, он не для ваших нежных ушек. Смысл требований не изменился, но ставились уже конкретные сроки – двадцать первое мая, то есть через пять дней меня уже не должно быть в городе. Они знают, что Лина ждет ребенка. Сегодня воскресенье, в пятницу они обещали подтвердить свои слова делом в том случае, если я останусь. Я никак не могу понять, кому это нужно. Я всегда считал, что врагов у меня нет. Со всеми конкурентами у меня прекрасные отношения. Я не думал, что кому-то помешаю настолько, что понадобится выжить меня из города. И, главное, как угрожают-то! Как пещерные люди – с переходом на личность и национальность. Меня хотят выгнать из города, как во времена Средневековья выгоняли за ворота прокаженных. Это какой-то абсурд!

Кечаян замолчал. Я уже допила свой сок и теперь в раздумьях грызла пластиковую соломинку. Рядом, как по мановению волшебной палочки, опять появился расторопный официант, и процедура замены стаканов повторилась в точности так же, как и в прошлый раз. Наверное, официанты следили за нами из-за угла. Взглянув на расстроенного Арсена, я решила, что берусь за это дело.

Вообще-то сейчас, в последнее время, национальный вопрос в Тарасове стоит уже не так остро, как пару лет назад. Тарасовский городской рынок по-прежнему в шутку называют «Восточным базарчиком» из-за того, что торгуют там в основном кавказцы, но на улицах они уже не вызывают такого нездорового интереса у бритоголовой молодежи, как раньше. А в местных СМИ частенько проскальзывают «южные фамилии» тех людей, кто достаточно многого добился в нашей губернии или что-то для нее сделал.

В основном в Тарасове все кавказцы держались семьями, вставали друг за друга горой, помогали своим. Кечаян же поднимался на ноги в нашем городе один, родственников с «мохнатыми лапами» у него здесь не было. Другое дело, если бы он вернулся в Армению…

Первый вариант, который приходил мне на ум в связи с угрожающими звонками, – что это работа конкурентов. То есть тех, кто занимается производством спиртных напитков в области. Надо бы поподробней узнать, какие заводы и что тут у нас выпускают. А вот второй вариант подразумевал завистливых соотечественников, которым полукровка Кечаян перешел дорогу в бизнесе, тем более в таком специфическом виде деятельности, как производство вин. Мне лично казалось, что времена таких анонимных угроз уже прошли.

– Вы решились, Женя? – в голосе Кечаяна звучала тревога, а в глазах теплилась надежда.

– Да, Арсен, я согласна. Предлагаю начать с сегодняшнего вечера. Если вы говорите, что звонят вам домой, то есть смысл направиться туда именно сейчас. Я хочу пообщаться с вашей женой, посмотреть, как вы живете и что можно сделать для безопасности вашей семьи. А если вы берете меня на работу в качестве телохранителя, то я должна постоянно находиться рядом с вами. То есть подразумевается то, что я буду жить в вашем доме, пока все это не закончится. Как вы на это смотрите?

– Конечно, Женечка, как скажете.

Арсен широко улыбнулся и вышел из-за стола. Я тоже поднялась. Конечно, девушка я далеко не маленькая – рост у меня метр восемьдесят как-никак, но Кечаян оказался выше меня головы на полторы. Глянув на него снизу вверх, я улыбнулась в ответ, и мы двинулись к выходу из «Пещеры».

На улице вместо внушительного «Навигатора» стоял неизвестно откуда взявшийся «Фольксваген Пассат» темно-малинового цвета. Сурен, вышедший вслед за нами, открыл мне заднюю дверцу, а сам сел за руль. Кечаян хотел было сесть рядом с ним впереди, но я остановила его:

– Давайте договоримся так, Арсен. Если я ваш телохранитель, то сижу в машине рядом с вами. Теперь запомните, в каком порядке мы садимся в машину. Вы садитесь первый, я за вами. Выходим же наоборот, сначала я, а потом вы. Понятно?

Он кивнул, мы загрузились в автомобиль и тронулись с места. Следом из темноты выполз «Навигатор» и двинулся за нами.

От ресторана до дома Кечаяна ехать было минут тридцать при нормальной, средней скорости. Но Сурену, вероятно, не давали покоя лавры Михаэля Шумахера, поэтому добрались мы минут за десять. Жил Арсен Баграмович Кечаян в районе городского парка. Лет пятнадцать тому назад в этот район позже девяти вечера обычные люди и не совались – здесь были владения так называемой «парковой» братвы. Огромный старый парк с глубокими прудами, темными аллеями и вековыми деревьями стал рассадником всевозможных безобразий. Аттракционы были переломаны, пруды загажены, от скамеек остались лишь столбики. Потом за парк все-таки взялось руководство города. Все было отремонтировано, выкрашено, почищено. В пруды запустили лебедей и уток. По деревьям запрыгали белки. Соорудили вольер, в который посадили огромного медведя. Братва со временем исчезла кто куда, и парк опять стал цивилизованным местом отдыха горожан.

А вот вокруг парка началось строительство – островок природы в центре города потихонечку застраивался коттеджами. Мысль о постройке дома в центре города с видом на пруд с лебедями была весьма заманчивой, а главное – это было круто. Ну и, понятное дело, цены на землю здесь взвились до небес. Позволить себе построить дом в этом районе мог далеко не каждый. Даже не каждый «новый русский».

Мы подъехали к высокому красному кирпичному забору, отделявшему жилой массивчик «избранных» от мира простых смертных, и остановились около ворот. Назывался этот жилой комплекс «Рябина». Из будки вышел охранник и направился к нам. Он был огромного

роста, но вот на лице великана присутствовало совершенно детское выражение. Судя по тому, с каким интересом он нас разглядывал, работал он здесь первый день. На поясном ремне у парня болталась кобура. Рядом с ней зачем-то висели наручники. Плюс ко всему в руке он держал резиновую дубинку.

– Вы к кому? – поинтересовался амбал.

– К себе, – с невозмутимым видом ответил Сурен, даже не взглянув на него.

– Куда «к себе»? – уточнил сторож.

– Домой, куда же еще? – язвительно сказал Сурен.

– А эти с вами? – охранник ткнул дубинкой в сторону джипа.

– С нами, – подтвердил Сурен.

– Ну, тогда проезжайте, – милостиво разрешил грозный страж и распахнул ворота.

«Добро пожаловать, дорогой друг Карлсон, ну и ты, Малыш, заходи», – вспомнила я фразу из любимой книжки. Ну и порядочки здесь: заходи кто хочешь, и друзей с собой приводи в любых количествах. Да я бы сейчас одна смогла этого охранника нейтрализовать, несмотря на его дубинку с пистолетом, и его же наручниками прицепить к какой-нибудь трубе. А если бы в «Навигаторе» сидели человек пять и все они вдруг задумали совершить разбойное нападение на охранника, то я даже затрудняюсь предположить, что бы он стал делать. Скорее всего заперся бы в своей будке и ждал, пока ее не разнесут, добираясь до него.

– У вас здесь все охранники такие гостеприимные? – поинтересовалась я.

– Да нет, – отозвался Сурик. – Этого парня я, правда, первый раз вижу. Здесь охрана хорошая, они всех в лицо и по именам знают, да и машины им наши все известны. Сегодня Димкина смена. Наверное, он не вышел на работу – может, заболел, вот и прислали новенького на время.

– У нас, Женя, все охранники, проверенные временем, – повернулся ко мне молчавший всю дорогу Кечаян. – Люди здесь живут серьезные, деньги за свое спокойствие платят приличные, поэтому охрана работает постоянная, за все время ни один не сменился. Мы их за это и ценим. А насчет сегодняшнего придурка надо обязательно выяснить. Займись, Сурик.

Тот кивнул, и мы поехали дальше. Дома в этом районе стояли нехилые. Весь жилой массив располагался на полуострове, у самого большого озера парка. Окна одной стороны домов выходили на пруд с водоплавающими птичками. Жилой комплекс был достаточно хорошо освещен. Всего здесь выстроились рядком пятнадцать коттеджей. Они располагались по правую сторону от дороги, по которой мы сейчас проезжали. По площади они были все почти одинаковые, но вот по высоте и по стилю здесь явно шло соревнование. В «рядке» имелись двух – , трех – , четырехэтажные дома со всевозможными башенками, шпилями, балкончиками… Но больше всего меня удивило одно, как потом выяснилось, все-таки жилое строение – в самом конце дороги гордо возвышался пятиэтажный бункер. Видимо, архитектору за фантазию не заплатили, поэтому со стороны это строение казалось не жилым домом, а неким большим гаражом с окнами-бойницами. Хотя если подумать, то архитектора, наверное, не приглашали вообще. Хозяева просто привезли кирпичи, позвали всех родственников и друзей и начали стройку самостоятельно. После окончания строительства все они так и остались жить все вместе. По моим подсчетам, около этого дома стояло машин пять. А остальные домики были весьма привлекательные.

С левой стороны дороги плотной стеной росли высокие деревья. Расстояние от них до заборов, окружавших коттеджи, было около двадцати метров. Наверное, поэтому почти все обитатели жилого массива «Рябина», оставляли свои машины снаружи, а не загоняли их во двор. Хотя возможно и другое – дворы уже битком набиты машинами и для этих просто не осталось места. По старой совковой привычке заборы были кирпичными и высокими, метра по четыре, чтобы, не дай бог, сосед не увидел, что происходит у другого соседа во дворе. Хотя,

если выглянуть в окно последнего этажа любого дома, можно при желании разглядеть все, что твоей душе угодно.

Мы остановились около серого кирпичного забора. Сурик вышел из машины и открыл калитку, которая была совершенно незаметна со стороны потому, что была вмурована в стену. Со двора доносилось какое-то хрюканье. Раздался громкий щелчок, и в заборе образовалась щель, которая с каждой секундой становилась все шире, и в конце концов встроенные в стену ворота раздвинулись до конца. Арсен, заметив мое изумление, пояснил:

– Два года назад я ездил к своим друзьям в Грецию и увидел у них такие ворота. С первого взгляда их невозможно заметить, вроде обычная каменная стена. Но эта ее часть сделана из другого материала. Более легкого, но тем не менее очень прочного. Мне ворота очень понравились, и я заказал себе такие. Один мой приятель даже фирму свою открыл по выпуску таких ворот, после того как я ему идейку с воротами подкинул. В то время, когда мы здесь только начинали строиться, нам все соседи завидовали. Мне тогда казалось, что это круто, а сейчас вспоминаю со смехом, как все тогда друг перед другом выпендривались.

«Ну да, как же, рассказывай, – подумала я. – Глаза-то у тебя, как у пацаненка, до сих пор светятся…»

Сурен сел в машину, и мы въехали во двор.

– Выходите, Женя, приехали, – Кечаян распахнул передо мной дверцу.

Я вышла, недовольная тем, что мой подопечный выбрался на улицу первым. Надо объяснить человеку, что я требую соблюдать меры предосторожности ради его же блага. А он, кажется, думает, что если сейчас у себя дома, то ничего не страшно.

Симпатичный двухэтажный дом был выдержан в стиле английских замков и имел форму буквы П. Стены его покрывал плющ, от чего половина дома походила на лиственный шалаш. Из того, что оставалось открытым взору, можно было понять, что дом, как и забор, тоже серый.

Перед домом виднелась круглая клумба, на которой росли неизвестные мне желтые и синие цветы. Дорожка, по которой мы въехали во двор, огибала клумбу. Слева, в углу двора, возвышалась грандиозная альпийская горка высотой около трех метров и примерно такой же ширины, выполненная, судя по всему, очень талантливым ландшафтным дизайнером. По горке стекал ручей, временами переходящий в маленькие водопадики. У подножия ручей образовывал прудик с лилиями. Рядом вырисовывалась беседка, которую сразу можно было и не заметить, потому что она тоже вся была увита плющом. Внутри беседки стояли столик и кресла из лозы.

В противоположном углу двора располагалась детская площадка. В большом, наполовину вкопанном в землю бассейне с высокими бортами плавали маленький надувной матрац и мячик. На газоне, выполненном в лучших английских традициях, стоял трехколесный велосипед. В самом темном уголке двора виднелось сооружение, опять же увитое плющом, откуда и доносилось странное похрюкиванье.

– Не бойтесь, Женечка, это Геша, – рассмеялся Арсен и, увидев мое изумление, пояснил: – Геша – мой пони. Мне его ребята на день рождения подарили, решили подшутить. Теперь на нем сын катается. Я хочу вас сейчас со всеми познакомить.

Только сейчас я заметила, что мы во дворе не одни. Помимо меня, Кечаяна и Сурена, во дворе находились еще трое молодых людей. Одного я уже видела сегодня в джипе, когда за мной приехали. Двое других были мне незнакомы.

– Познакомьтесь, – сказал Арсен, обращаясь к парням, – это Евгения Максимовна. Она некоторое время будет находиться вместе с нами. Прошу уважать, внимательно слушать и выполнять все ее требования. Надеюсь, пока всем все понятно. Подробности будут чуть позже.

– А вот мне не совсем понятно, о каких подробностях ты говоришь и какое время эта женщина будет находиться вместе с нами.

Женский голос доносился откуда-то сверху. Я задрала голову и посмотрела на второй этаж. На балкончике, который я сразу и не разглядела из-за зелени, стояла молодая женщина моего возраста в шелковом халатике и внимательно смотрела на меня.

– Потрудись объяснить мне, Арсен, кто она такая и что ей здесь надо? – Казалось, еще секунда и женщина либо сорвется в крик, либо кинется с балкона и вцепится мне в волосы.

– Линочка, дорогая, я прошу тебя не волноваться, тебе же нельзя… Мы сейчас зайдем в дом и все тебе объясним. Ни к чему поднимать шум на всю «Рябину». Ты же сама знаешь, какие здесь соседи.

Кечаян взял меня под руку и хотел было сделать шаг к дому. Вопли с балкона заставили нас остановиться.

– Ты с… этой… в дом, где живет наш ребенок, не войдешь! И вообще, – кричала Лина, – не думай, что, пока я сплю, ты уже можешь баб в дом таскать. Немедленно выгони эту шлюху!

От такой речи Кечаян опешил и возмутился и решил сразу объяснить все как есть:

– Элина, ты не имеешь права так говорить, тем более ты не знаешь о ней ровным счетом ничего! Как ты смеешь оскорблять человека, который пришел сюда для того, чтобы ты спокойно спала, чтобы ты не волновалась по пустякам. Эта женщина будет находиться рядом со мной для того, чтобы обеспечить мою безопасность. Она – мой новый телохранитель.

На балкончике началась форменная истерика.

– Баба – телохранитель? А мужиков что, больше нет, кончились?! Нет, конечно, с бабой намного удобнее, и от пуль прикроет, и после перестрелки приласкает! Ты меня совсем за дуру держишь? Или ты считаешь, что я тебе должна поверить? Да у нас охраны навалом! Посмотри на этих мужиков, они же ее за секунду пришибут.

Бугаи, стоящие во дворе, мерзко захихикали. И я больше не выдержала. Простите меня, мужики, я не хотела, честное слово. Это я не со зла. Надо же как-то этой неразумной доказать, что муж ее печется не только о себе, но и о ней, и о детях, и что я не простая «баба», а прошедшая специальную подготовку в «Ворошиловке», а потом в «Сигме». А еще я…. Да мало ли где я могла ее пройти. Ну, держитесь!..

Ближе всех ко мне стоял тот, что приезжал с Суреном. Он противнее всех улыбался. Ударом ноги с разворота я врезала ему носком туфли по переносице. Могучий мужик рухнул на землю, не издав ни звука. Во дворе поднялась паника. Мало того, что парни не ожидали такого от меня, они плюс ко всему не поняли, почему вдруг со мной произошли такие разительные перемены. Следующего из охраны Кечаяна, который рванул ко мне, на бегу доставая что-то из кармана, я шарахнула сцепленными кулаками по темени. Бедолага, промычав нечто нечленораздельное, рухнул, как куль с мукой.

Теперь сразу двое кинулись на меня: Сурен и еще один громила. Его я мастерски вырубила ребром ладони повыше уха, а Сурена просто отключила маленьким шокером, который встроен в мой массивный золотой перстень с сапфиром. Перед ним мне стало как-то неудобно – все-таки мы знакомы немножко и бить его мне было жалко.

Во дворе воцарилась гробовая тишина. Кечаян смотрел на меня во все глаза, слегка открыв рот. Я покосилась на балкон, но там уже никого не было. Наверное, Лина милицию побежала вызывать. Ну и черт с ней! Лежащие во дворе зашевелились. Надеюсь, ребята, что вам не так уж и плохо. Била я вполсилы, даже синяков быть не должно. Учили все-таки нас драться в «Сигме».

– Теперь вы убедились, что телохранитель – это не эскорт-услуги? – спросила я в пустоту.

Дверь дома распахнулась, и на пороге возникла Лина. Она прижимала руки к груди и не сводила с меня глаз. Вблизи Лина оказалась вполне красивой женщиной примерно моего роста со стройненькой фигуркой и темно-русыми волосами. Личико у нее было кукольное, серые глазищи на пол-лица смотрели на меня с любопытством.

– Простите меня, пожалуйста, Евгения! Я жуткая дура, столько гадостей наговорила. Беременные, они все не в себе, а я дура особенная. Проходите в дом. Да, таких дур, как я, точно больше нет.

Слушая рассказ про всевозможных дур, я пошла за ней в дом. Внутри было так же круто и солидно, как и во дворе. Во всю ширину холла лежал белый ковер с длинным ворсом. Стены имели светло-бежевый оттенок. В тон им были подобраны роскошные тяжелые портьеры с золотистым вертикальным рисунком. Посередине стоял огромный диван и два кресла. В углу величественно возвышался массивный мраморный камин, судя по всему, действующий. На камине стояли позолоченные подсвечники, над ними висело большое зеркало в резной золоченой раме. Рядом стояла тумбочка, на которой примостился небольшой телевизор. На стеклянном журнальном столике в художественном беспорядке были расставлены фотографии в рамках. Там и сям в вазах стояли цветы – как живые, так и искусственные.

Судя по обстановке, хозяйка была страстной любительницей мыльных опер. Все бразильские страдания происходят в основном в таких вот интерьерах. Лина усадила меня на одно из кресел, а сама разместилась на другом. Я провалилась в мягкие подушки сиденья так, что мои коленки оказались на уровне глаз, но при этом чувствовала себя очень удобно. На пороге появился Кечаян, слегка ошарашенный случившимся во дворе. Ну что вы все на меня так смотрите? Что мне еще оставалось делать, когда все так складывалось? Хотя я уже немножко привыкла к тому, что меня в некоторых домах так и принимают: сначала нос воротят, а потом на шею вешаются.

– Я не думал, что в столь хрупкой женщине таится такая невиданная сила, – начал Арсен. – К тому же я и предположить не мог, что мою охрану можно вот так запросто расшвырять в разные стороны. Женя, поверьте, я восхищен вами.

Лина вскочила с кресла и замахала руками:

– Ну что ты, Сенечка, не ты один так удивился. Я тоже не ожидала подобное увидеть. Очень хорошо, что рядом с тобой будет такой телохранитель, как Женечка. Раньше все были какие-то дохлые или неповоротливые амбалы, а теперь вот такая симпатичная де…

Она осеклась и посмотрела сначала на мужа, потом на меня. Голос ее задрожал, глаза наполнились слезами.

– Вы от меня что-то скрываете. Зачем вдруг понадобился личный телохранитель? Ведь всегда была только обычная охрана? Что случилось?

Арсен открыл было рот, но тут я решила взять инициативу в свои руки. Арсен мог ляпнуть что-нибудь не то.

– Видите ли, Лина, положение вашего мужа обязывает иметь личного телохранителя. Насколько я могу судить – и, поверьте, как телохранитель я знаю обо всех его делах, – проблем у Арсена Баграмовича нет никаких. Успокойтесь, прошу вас. Это просто дань моде.

Лина тихонечко всхлипнула. Арсен обнял ее за плечи и прижал к себе. Лина начала что-то шептать мужу на ухо. Насколько мне было слышно, он успокаивал ее.

Я деликатно отвернулась в сторону и принялась разглядывать фотографии. Смеющиеся лица Арсена и Лины, маленький мальчик в коляске, тот же мальчик, только уже гордо восседавший верхом на пятнистом пони.

Были здесь еще две фотографии, на которые я обратила особое внимание. На одной мужчина с женщиной стоят, держа друг друга за руки, и улыбаются в объектив. Он высокий, крепкий, она маленькая, худенькая. Оба молодые и красивые.

На другой – темноволосая девушка стоит на палубе теплохода. Она задумчиво смотрит куда-то вдаль, и ветер играет в ее длинных волосах.

– Это мои родители и сестра, – я не заметила, как сзади подошел Арсен. – Здесь мама с папой еще молодые, на отдыхе в Болгарии. Мы с Кариной тогда еще совсем маленькие были,

дома остались с няней. Помню, я так не хотел, чтобы они куда-то уезжали. Почему-то всегда боялся, что они не вернутся. И однажды мой страх оказался ненапрасным…

– У вас была очень красивая сестра, – осторожно заметила я.

Кечаян взял со столика фотографию девушки, с нежностью посмотрел на нее.

– Это ее последняя фотография. Через три недели все они погибли.

Лина подошла к Арсену и прижалась к его руке. От той истеричной мегеры, что стояла на балконе десять минут назад, не осталось и следа. Сейчас рядом с нами была милая и обаятельная женщина, любящая своего мужа и готовая, как мне показалось, на все ради того, чтобы он был счастлив.

– Женечка, оставайтесь с нами. Поживите пока у нас, раз того требуют ваши обязанности. Вы нас ни капельки не стесните. У нас ведь очень большой дом, всем места хватит. Правда, у нас маленький сын, но он не доставит вам хлопот. – Лина посмотрела так, будто от меня в данный момент зависела их жизнь. – Да и вам так будет удобнее, вместе с Арсеном будете ездить на работу и возвращаться к нам вечером. Скажи ей, Сеня.

Таким образом я обрела временное пристанище в доме Арсена Кечаяна. Мне, конечно, пришлось извиниться перед всеми безвинно пострадавшими парнями из охраны, с помощью победы над которыми я доказывала Лине необходимость своего пребывания в доме. Ребята оказались понятливыми, обиды на меня не держали, синяков никто у себя не обнаружил.

Мне надо было еще съездить домой, взять кое-какие вещи и предупредить тетю Милу о том, что домой я теперь попаду неизвестно когда. Сурен согласился свозить меня туда и обратно. Узнав, что собака, которая временно проживает у меня, остается в очередной раз без хозяина, Лина взяла с меня обещание, что я привезу пса с собой.

– Лошадь у нас уже есть. А вот соседские коты постоянно забегают и орут, так что собака нам не помешает во всех смыслах, – говорила Лина, прямо-таки светясь от счастья. – И Баграмчику понравится – он животных любит, и котов ваш пес разгонит.

«Наивная женщина! – подумала я. – Не знает она Дольфа… Котов теперь станет в три раза больше».

Глава 2

На следующий день в шесть утра мы с Кечаяном были в его офисе. «Ковчег» располагался в Ленинском районе Тарасова, битком набитом всевозможными организациями. Если Заводской район задыхается от количества заводов, отравляющих все живое в округе, то в Ленинском находятся в основном научные предприятия. В этом районе производятся холодильники, микросхемы, а также многие другие вещи, необходимые в повседневной жизни.

Например, на жировом комбинате делают достаточно вкусный майонез. Кстати, на этом комбинате принимают майонезные банки по цене хоть и ненамного, но превышающей ту, по которой они принимаются в других местах. Каждый день ранним утром десятки бабулек с полными сумками громыхающей тары отправляются сюда – сдавать банки не по десять копеек, как в городских магазинах, а по двенадцать. При этом в трамваях и троллейбусах, направляющихся в сторону жиркомбината, людям, едущим на работу, просто негде повернуться. Старушки ворчат, мол, куда народ прется в такую рань, чего не спится дома. А рабочий народ матерится, кто вслух, кто про себя, спотыкаясь о сумки, стоящие в проходах. Я сама одно время около месяца ездила на трамвае в Ленинский РОВД по делам. У меня тогда еще не было моего «Фольксвагена», поэтому все это я видела своими глазами и слышала своими ушами. И я проклинала и жиркомбинат, и майонез, который, впрочем, люблю, и тару, в которой он выпускается. И вот сегодня выяснилось, что, видя в окно трамвая здание, как мне казалось, этого самого комбината, я призывала проклятия на завод армянских вин «Ковчег».

Мы с Кечаяном подъехали к воротам, где нас уже ждал Сурик. Из вчерашнего вечернего разговора с Арсеном я узнала, что Сурен Акопов выполняет при Кечаяне функцию правой руки и посвящен во все дела своего шефа. Я вышла из машины.

– Доброе утро, Сурен, – сказала я как можно мягче, дабы загладить свою вину после вчерашнего, широко улыбнулась и протянула руку, чтобы поздороваться. Бедный Сурик отскочил в сторону, как будто я протягивала ему ядовитую змею.

– Что, досталось тебе от нее вчера? – Арсен рассмеялся. – Она больше так не будет, успокойся. Правда, Женя?

– Без необходимости – никогда! – с жаром заверила я.

Сурен подошел ближе.

– Да уж… Правда, меня-то только шокером шарахнула, а вот остальным, интересно, каково сейчас? Наверное, встать не могут, – сочувственно вздохнул он.

– Уверяю тебя, что не только встали, но и будут чувствовать себя сегодня превосходно, как будто ничего и не случилось. Поверь мне, некоторые из тех, кто меня обучал искусству рукопашного боя, могут убить так, что вскрытие покажет, будто человек умер от сердечного приступа, а на теле не будет ни единого следа.

– А ты где училась? – полюбопытствовал Сурен.

– Давайте поговорим об этом в другой раз, сейчас у нас мало времени, – уже абсолютно серьезно сказал Кечаян. – У тебя все готово?

– Обижаешь, шеф, все на месте, ждут только вас.

Автоматические ворота медленно открылись, и мы въехали на территорию завода. Здесь оказалось достаточно чистенько и мило. Никакого бардака, наваленного хлама, пустых ящиков. На территории были разбиты клумбы с цветочками и травкой, высажены пихты. У меня сложилось впечатление, что здесь потрудился тот же самый дизайнер, что и у Кечаяна дома.

Миновав будку охраны, которая в тот момент оказалась почему-то пустой, мы подъехали к трехэтажному зданию, в котором располагалась администрация завода. Домик был беленький, аккуратненький, очень милый и симпатичный. Мы вошли в здание. Дверь, понятно, была бронированная, но весьма убедительно замаскированная под старинную дубовую. В вестибюле

стояла квадратная полированная стойка, за которой сидел в ожидании молодой человек в элегантном костюме-тройке. При нашем появлении он встал.

– Доброе утро, Арсен Баграмович. Все уже в сборе, какие будут указания? – произнося эти слова, он краем глаза разглядывал меня.

Кечаян еще с вечера попросил всех охранников приехать на работу к шести утра для очень важного дела. Видимо, парня очень заинтересовало появление в офисе незнакомой девушки да еще в столь ранний час.

– Спасибо, Максим. Прямо сейчас попросите всех подняться ко мне в кабинет. Охрана у ворот пусть останется на своих местах, с ними мы поговорим позже.

Вот те на! Оказывается, у ворот тоже была охрана, но я ее даже и не заметила. Наверное, они там старательно маскировались.

Мы поднялись на второй этаж и через приемную прошли в кабинет Кечаяна, достаточно просторный, обставленный дорого, но со вкусом. В углу стоял небольшой изящный шкафчик со стеклянными дверцами, в котором красовались разнообразные бутылки. Надо полагать, это были экземпляры продукции, производимой на «Ковчеге». Рядом со шкафом располагался маленький столик и два кресла, вероятно, для того, чтобы дегустировать напитки, что называется, не отходя от прилавка. Имелись в кабинете, как водится, директорский стол и еще один – длинный, за которым обычно проводят совещания. На стенах висела парочка картин с горными пейзажами. Всевозможные цветочки и пальмы произрастали в горшках и кадках. Из окна кабинета просматривался практически весь двор.

В кабинет начали заходить и рассаживаться за большим столом люди. Когда дверь наконец закрылась, я насчитала двенадцать человек новоприбывших. Было сразу заметно, что физической силой бог никого из них не обидел. Это, конечно, радовало, но, как показывает практика, в некоторых ситуациях сила – отнюдь не самое важное. Главное то, чтобы человек мог за несколько секунд адекватно оценить ситуацию и принять правильное решение. Ладно, там увидим, кто чего стоит. Посмотрим, что можно выжать из этих бойцов. Я скромненько присела около дегустационного столика под сень высокой раскидистой пальмы.

– Доброе утро, – Арсен оглядел всех присутствующих. – Мне пришлось вас собрать так рано, потому что нам до начала рабочего дня предстоит многое сделать. Я решил несколько изменить систему охраны нашего офиса.

Далее Арсен начал объяснять, что конкретно он решил изменить. Собственно, это, конечно, я решила, что следует изменить, но ему как директору было проще объяснить все это своим секьюрити. Накануне до поздней ночи мы с ним обсуждали, как и что лучше сделать. Лина к тому времени уже ушла спать, и поэтому мы могли, не таясь, называть вещи своими именами, не опасаясь расстроить беременную женщину. Все необходимое для оборудования систем безопасности офиса должны были привезти с минуты на минуту.

Я до сих пор помню выражение лица Кечаяна, когда около полуночи я звонила своим знакомым в Москву и перечисляла то, что мне необходимо ранним утром следующего дня. Он не мог поверить, что через семь часов после моего звонка все необходимое уже доставят на территорию «Ковчега». Но по дороге сюда мне на мобильный позвонил один мой старинный приятель, который занимается сопровождением и доставкой такого оборудования по стране, и сообщил, что самолет уже приземлился в Покровске, на военном аэродроме, и что через полчаса все будет доставлено на завод в лучшем виде. Связи – великая вещь. Но мне ведь и за это тоже платят.

Около часа мы вчера также обсуждали, под каким соусом подаст меня своим сотрудникам Глава «Ковчега». Мне ведь надо было, не возбуждая подозрений, находиться рядом с ним весь рабочий день, одновременно быть в курсе всего, что происходит в офисе и на заводе, и контролировать охрану. Говорить в открытую, что я телохранитель Кечаяна, мы не хотели, поэтому сошлись на том, что Арсен всем представит меня как свою новую секретаршу, кото-

рую он принял на работу потому, что объемы производства резко увеличились, а выполнять я буду некие особые поручения, в связи с чем мне необходимо все время находиться рядом с шефом. Знать о том, кто я на самом деле, будут только охранники, которые должны помалкивать об этом. За всю охрану вместе и за каждого в отдельности поручился Сурен, заявив, что он их сам нанимал и что знает каждого как самого себя.

Что касается нездорового любопытства по поводу моего постоянного присутствия рядом с Кечаяном – а оно наверняка возникнет, такова природа человека, – то это я сразу взяла на себя. Я с детства терпеть не могу, когда суют нос в мои дела, и могу отшить так, что у людей моментально отпадет желание не только приставать ко мне с расспросами, но и просто думать о том, что со мной можно поговорить.

– А теперь я хочу вам представить Евгению Максимовну Охотникову, которая на некоторое время возьмет на себя обязанности начальника охраны.

Голос Кечаяна вырвал меня из размышлений. Я встала и подошла к директорскому столу. Меня разглядывали с любопытством.

– Еще раз повторяю, что об этом никто, кроме всех здесь присутствующих, знать не должен. Все, что вам будет говорить Евгения Максимовна, нужно выполнять беспрекословно. Остальное она вам объяснит сама.

Я оглядела присутствующих.

– Я бы хотела с вами со всеми познакомиться, но боюсь, на это сейчас не осталось времени. Познакомимся в процессе работы. Сейчас подойдет машина, в которой будет то, что сможет помочь нам в дальнейшем обеспечить безопасность данного предприятия. Скоро семь, а нам надо успеть управиться до девяти. А вот, кстати, и машина. Пойдемте во двор.

С улицы послышался гудок, все присутствующие встали и направились к выходу.

Следующие полтора часа прошли в разгрузке, сборке и установке всевозможного оборудования. Рабочие, которые прибыли с грузом, обучали охрану правильному пользованию всеми этими устройствами. Были установлены пуленепробиваемые стекла во всем офисе. Над входной дверью, над воротами и по всему периметру территории укрепили миниатюрные видеокамеры, а на первом этаже офиса одну комнатку оборудовали под централизованный пункт наблюдения. На входе установили металлоискатель, который с первого взгляда был похож на обычную дверную коробку. В телефоны я собственноручно вставила «жучки», а аппарат, позволяющий прослушивать все телефоны и записывать разговоры, установила на своем рабочем столе в кабинете Кечаяна.

В вестибюле поставили хитрое устройство. При появлении незнакомого и подозрительного человека охранник, сидящий в вестибюле, нажимал кнопку, вмонтированную в столе. После этого четыре металлические решетки вылезали из потолка и достаточно быстро, но при этом совершенно бесшумно, опускались вниз и втыкались в пол. Таким образом, почти весь вестибюль оказывался перекрытым решетками, а стойка охранника оставалась снаружи образуемой клетки. От него только требовалось подгадать момент, когда нажимать кнопку.

Таким образом, за полчаса до начала рабочего дня все было готово. Охранники получали последний инструктаж от московских специалистов по пользованию личными портативными рациями, я готовила свой кабинет к началу нового рабочего дня, а Кечаян с Суреном обходили свои владения и восхищенно кивали головами. Переоборудование помещений влетело, конечно, в кругленькую сумму, но оно того стоило. Сурен больше всего поражался тому, что рабочие даже убрали за собой мусор и не оставили после себя ничего такого, по чему можно было бы догадаться, что здесь произошло какое-то вмешательство в интерьер помещения.

– Скажите, Женя, а нет ли среди ваших знакомых таких, которые делают ремонт в квартирах так же быстро и качественно, а потом за собой убирают? – спросил Сурен.

– Есть один, но этот человек живет сейчас за границей и вряд ли он поедет делать ремонт к нам, в Тарасов. Но родом он, кстати, из этого города.

Я действительно знаю человека, который открыл фирму по ремонту помещений в Германии и зарабатывает сейчас бешеные деньги. Это бывший сосед тети Милы – дядя Коля. Раньше он работал в Тарасове штукатуром, через день ходил пьяный в лоскуты, был постоянным посетителем вытрезвителя и отделений милиции. Надо сказать, что специалистом он был первоклассным, чего сам, видимо, не понимал. На работе пытались ему это объяснить неоднократно, но ввиду постоянно приподнятого алкоголем настроения до него смысл объяснений никак не мог дойти. В таком вот пьяном угаре прошла почти вся его жизнь.

Однако в один прекрасный день, напившись по своему обыкновению, он возвращался домой. Как его сбила машина, он, естественно, не помнит. Очнулся дядя Коля в больнице в отдельной палате. На больничной тумбочке стояли цветы, ваза с фруктами, а рядом с кроватью на стуле сидела и дремала немолодая женщина. Выяснилось, что именно она, гражданка Германии, находившаяся в Тарасове по делам своей фирмы, и сбила его. По-русски дама говорила сносно, и общаться с ней дяде Коле было достаточно легко. Дама стала ежедневно навещать дядю Колю в больнице, приносила дорогущие продукты и оказывала ему всяческие знаки внимания. Фрау рассказала, что сама раньше много выпивала и состояла в обществе анонимных алкоголиков, и заявила, что теперь она не даст сдохнуть от водки такому приятному мужчине. Что мадам смогла разглядеть приятного в опухшем, небритом лице немытого дяди Коли, непонятно, но за границу она его все-таки с собой забрала.

У дяди Коли началась вторая жизнь. С помощью своей новой пассии он устроился работать по специальности. Женщина была не замужем, поэтому не устояла перед обаянием русского мужика, который, после того как его помыли, побрили и закодировали, оказался ну просто писаным красавцем по сравнению с толстыми немецкими бюргерами. После бракосочетания дядя Коля принял от своей супруги маленький презент – строительную фирму. Он стал преуспевающим бизнесменом и иногда присылает моей тетушке письма с рассказами о том, как хорошо ему теперь живется. Письма сопровождаются фотографиями, на которых дядя Коля запечатлен со своей супругой на отдыхе в тех местах, где ему особенно хорошо живется на данный момент. Так мы с тетушкой тоже увидели, как выглядят Галапагосские острова, Майорка, Малайзия и прочие экзотические места. Это, кстати, о том, что раньше дяде Коле наши Сочи только снились, и он искренне считал, что именно Сочи – самое райское местечко на земле.

За утро я успела немного познакомиться с парнями из охраны «Ковчега», с которыми мне предстояло в дальнейшем тесно сотрудничать. Ребята они оказались неглупые, понятливые, и мне больше всего понравилось то, что никто из них не относился с презрением к тому, что ими руководит женщина.

Молодого человека, которого я видела с утра за стойкой, звали Максим. Он выполнял функции вахтера. Парнишка был сообразительный, вникал в ситуацию моментально. Теперь в его обязанности входило не пропустить постороннего человека дальше вестибюля без особых на то указаний.

Вообще-то, у всех сотрудников «Ковчега» были пропуска, но в офисе, по рассказам Сурена, постоянно крутилось множество родственников и друзей тех, кто там работает. Теперь вход в офис посторонним людям был категорически запрещен, о чем гласила табличка на входе. В особо чрезвычайных ситуациях встреча с родственниками могла происходить только в вестибюле. Для вызова необходимого человека всем желающим предоставлялся телефон внутренней связи, который до сегодняшнего дня пылился на стене без дела.

Максим достаточно быстро научился пользоваться механизмом, управляющим легкими, но очень прочными решетками, которые позволяли запереть человека, как в клетке. Все охранники по очереди «попадались» в западню и пробовали выбраться. Они трясли «клетку», пыта-

ясь сдвинуть ее с места, разогнуть прутья. Но все их усилия оказывались совершенно бесполезными. Решетки втыкались в пол очень плотно, и со стороны казалось, будто так и было задумано с первого дня строительства здания, что решетки идут от самого фундамента дома и уходят в потолок. Нигде не было видно ни единой щелочки и тогда, когда решетки были подняты.

В пункте централизованного наблюдения сидел теперь Миша, бугай, который был похож на огромного медвежонка-переростка. Но именно он оказался самым разбирающимся в технике претендентом на должность видеонаблюдателя. Центр тут же окрестили для простоты «видеозалом», что было подмечено весьма точно: в маленькой комнатушке размещались небольшие телевизоры, количество которых соответствовало числу поставленных снаружи видеокамер. Каждой камерой можно было управлять, а они, незаметные глазу, могли вращаться на триста шестьдесят градусов, фиксируясь в любом положении. Любой кадр можно было при желании увеличить или уменьшить, а также распечатать.

Сейчас я наблюдала посредством видеокамер все, что происходит во дворе. Но единственное, что можно было увидеть на данный момент, так это улыбающихся охранников, которые изредка проходили по двору по своим делам и строили в камеры забавные рожицы и махали руками. Особенно отличался один из них, который появлялся на экранах наиболее часто и все время что-то держал в руках. Он останавливался перед камерой, клал свою ношу на землю, выпучивал глаза, высовывал язык и руками оттопыривал уши. Затем он опять брал свой сверток и отправлялся дальше.

– Кто этот веселый молодой человек? – спросила я Михаила, который сидел в кресле и давился от хохота.

– Это Вольдемар, Володька Семенов. Он парень хороший, прикалываться любит, без него ни одна вечеринка у нас не проходит, – ответил «видеонаблюдатель», лицо которого раскраснелось от веселья.

Когда Семенов попал в поле зрения очередной видеокамеры и положил свой сверток на землю, я взяла микрофон и подключила его к громкоговорителю, висевшему во дворе. Малый как раз снова взялся руками за свои многострадальные уши. Я включила микрофон и сказала:

– Владимир, вы, безусловно, очень киногеничны, но умоляю вас, пожалейте свои уши, вы их очень скоро оторвете. Без ушей вы будете выглядеть не так привлекательно.

Вольдемар застыл на месте, держась за уши, выпучив глаза, но так и не высунув язык. По двору раскатился хохот. Вова отпустил уши, схватил сверток и рысцой рванул дальше. Миша лежал на столе, уткнувшись носом в громадные ручищи и буквально рыдал от смеха. Я снова взяла в руки микрофон:

– Господа охранники! Скоро начнется рабочий день. Давайте все на свои места. И чтобы я больше такого не видела.

А дислокация у нас была такая. Один охранник стоял на воротах, один в холле, один в видеозале, двое в маленькой комнатке рядом с кабинетом Кечаяна. Трое находились на территории, и еще три человека сидели в комнатке отдыха на третьем этаже на случай непредвиденной ситуации. Все они дежурили посменно. Не менялись только ребята, находившиеся непосредственно рядом с Арсеном, а также Миша в «видеозале». Я зашла в комнату, которая примыкала к кабинету Арсена, чтобы поближе познакомиться с его личной охраной. Первым, кого я увидела, был уже знакомый мне Владимир Семенов.

– Ну что ж, здравствуйте, Владимир! – обратилась я к парню. – Как поживают ваши уши?

Владимир густо покраснел, посмотрел на меня таким взглядом, каким доктор смотрит на безнадежно больного пациента, и пробормотал:

– И долго мне еще это слушать? Меня и так пацаны уже заприкалывали, а теперь и вы вот опять. Идите лучше сразу всем по радио что-нибудь про меня скажите, дрянь какую-нибудь. – Парень обиженно засопел.

– Ладно, извини меня, я больше не буду, не обижайся. Хорошо?

Мне вдруг стало его жалко. Передо мной стоял фактически еще мальчик, который хотя и занимался уже таким серьезным делом, как охрана человека, но в душе все же оставался ребенком, ежеминутно готовым на какую-нибудь шалость.

– Да ничего страшного, я уже привык. Я тут моложе всех, мне двадцать четыре года, вот все и обращаются со мной как с сопливым пацаном. А ведь я в Чечне был, и ранение у меня есть. И извещение домой присылали о том, что я без вести пропал, – я тогда чуть в плену не оказался. У мамки после всего этого сердце не выдержало, теперь я один живу. Есть у меня братишка маленький, двенадцать лет ему, так его бабка к себе в деревню взяла. А меня вот здесь опекают как сына полка. Я же вначале просто в охране работал. Потом на Арсена Баграмовича покушение произошло – прирезать его какой-то псих захотел. Я как раз рядом оказался. Ну, пострадал немножко, ранил он меня. А после этого Арсен Баграмович меня к себе в телохранители взял.

– Какой псих? Я про него ничего не знаю, – удивилась я.

– Это года два назад было. На территорию завода пробрался мужик один. Как пролез – неизвестно. А когда Кечаян по цехам ходил, тот на него с ножом и кинулся. Потом слух прошел, что это чей-то родственник или знакомый. Но никто подробностей не знает, все замяли. А, вот и Илюха пришел. Познакомьтесь, Евгения Максимовна, это Илья Шаповалов.

Я повернулась к дверям. В комнату зашел молодой человек – второй охранник Кечаяна. Он тоже был огромного роста. Мелких парней тут явно не держали, все были выше меня как минимум на голову. Светловолосый богатырь с широкой белозубой улыбкой соответствовал своему имени.

– Очень приятно, Илья, – произнесла я, зачарованно разглядывая красавца. Вот бабам, которые здесь работают, повезло, в такой цветник попали! Один охранник другого лучше. Да еще Сурен мне говорил, что парни все неженатые…

– Теперь, когда вы оба здесь, я хочу с вами лично поговорить. Дверь в приемную не закрывайте, следите за всеми, кто будет заходить в кабинет к Арсену Баграмовичу. У него там в столе вмонтирована кнопка. Если у Кечаяна в кабинете случится что-то непредвиденное, то он нажмет ее. При этом у всех охранников автоматически сработает специальный звуковой зуммер на рациях, а у вас здесь загорится лампочка. – Я показала, где расположена лампочка. – Я буду находиться все время рядом с шефом, мой рабочий стол стоит у него в кабинете. Но вы все равно будьте всегда начеку, ситуации разные бывают. Все понятно?

– Пока понятно, – заговорил Илья очень приятным голосом, от которого у меня по телу поползли мурашки. – А если шефу надо будет ехать куда-нибудь, то кто с ним поедет?

– Все вместе и поедем. Я пока выполняю работу личного телохранителя, вы – охрана. Пока так. Но запомните, для всех я – его секретарь по особым поручениям. Я буду ехать вместе с ним в машине, а вы сзади в машине сопровождения, то есть на джипе. Кстати, скажите мне одну вещь: Кечаян всегда ездит на «Фольксвагене»?

– Постоянно. – От голоса Ильи я опять начала таять, как мороженое на асфальте в июльский полдень. – Он не любит «Форд», говорит, что о «Пассате» мечтал очень давно и теперь ни за что не предаст свою мечту.

Все с моим клиентом стало ясно. Любимая жена есть, любимая работа тоже имеется, потом он наконец-то обзавелся любимым автомобилем. Мужики, они как дети. Один мой знакомый купил сотовый телефон «Нокиа», о котором давно и страстно мечтал, и, не задумываясь, окрестил его Кикой. И теперь он в запойные периоды кладет эту Кику перед собой на стол, чокается с ней и рассказывает ей о каверзах, которые подстраивает ему нелегкая жизнь.

Хотя Кечаяна я понять могу. У меня у самой «Фольксваген», правда, не «Пассат», а «Жук», но теперь эту марку автомобиля я ни на какую другую не променяю. Вот разбогатею,

открою собственное охранное агентство, построю себе дом, как у Арсена, и тоже буду рассекать по Тарасову на «Фольксвагене». Как приятно помечтать иногда!

– С машинами вроде все понятно. Теперь смотрите дальше. – Я подошла к стене и отодвинула плотную занавеску.

Прямо перед нами было небольшое окошко, примерно полтора метра в длину и полметра в ширину. В это окошко был прекрасно виден кабинет Кечаяна и он сам, сидящий за столом и просматривающий какие-то бумаги. Володя с Ильей удивленно на него уставились.

– А с другой стороны тоже окно? Разве там не видно? – опомнился первым Вова и отошел от окна подальше.

– Нет, не видно. С другой стороны стекло непрозрачное, там что-то вроде небольшого витража из разноцветных стеклышек.

– А, я где-то читал статью про такие стекла и зеркала, – заговорил Илья. – Есть, к примеру, такое зеркало. В полиции за границей такие стоят: с одной стороны вроде бы зеркало или стекло, как будто тонированное, в этой комнате преступник сидит, а с другой окно, через которое свидетели его опознают. Они его видят, а он их нет. У них же там программа защиты свидетелей работает, поэтому свидетелей от гангстеров и прячут за такие стекла. И в кинофильмах такие я видел…

– Конечно, это очень интересная тема, но обо всем этом мы с вами побеседуем в другой раз. Так вот, занавесочка у вас должна всегда быть открыта. Вам нужно внимательно следить за тем, что происходит у вашего начальника в кабинете, когда к нему приходят посетители, особенно посторонние люди. Усекли?

Ребята кивнули, из чего я сделала вывод, что они все поняли.

Из приемной послышался скрипяще-цокающий стук, и я вышла из комнатки, чтобы посмотреть, кто издает такие противные звуки. У секретарского стола стояла высокая худенькая рыжеволосая девушка. Приемная наполнилась горьковатым ароматом духов «Кензо». При моем появлении девушка строго посмотрела на меня и не терпящим возражений голосом произнесла:

– Кто вы и что здесь делаете?

И тут из своего кабинета вышел Кечаян.

– Доброе утро, Ирочка. Вот, познакомьтесь с вашей новой коллегой. Она с сегодняшнего дня выполняет обязанности моего личного секретаря, будет заниматься особыми поручениями, – Кечаян сделал ударение на слове «личного». – Зовут ее Евгения, прошу любить и жаловать. Женя, а это, как вы уже поняли, мой секретарь, Ирина Рябова.

– Очень приятно, – отозвалась я и тут же осеклась.

Ирочка взглянула на меня таким ненавидящим взглядом, что, честно говоря, я даже удивилась. Может, Кечаян от меня что-то скрывает и секретарша – его любовница? Однако очень интересно.

– А где у моей коллеги будет рабочее место? – процедила Ирина сквозь зубы. – В приемной мало места, еще один стол не поместится.

– Женя будет работать в моем кабинете. – Кечаян, казалось, не замечал, как его секретарша менялась в лице, зеленея на глазах. – Она же мой личный секретарь, так что не беспокойтесь, Ира, вашей работе она мешать не будет.

Мне показалось, что сейчас девушку шарахнет инфаркт, так она изменилась в лице.

– А какую же работу выполнять мне, если Евгения будет вашим личным секретарем? – Казалось, еще секунда, и она начнет визжать, настолько высоким голосом она произнесла свой вопрос.

– Всю ту, что вы выполняли до сегодняшнего дня. Я же сказал, что у Жени будут особые поручения. – Он взял меня за локоть и практически силой втащил к себе в кабинет, бросив через плечо: – Работайте, Ирочка, не будем вам мешать.

В кабинете, немного оправившись от напора со стороны хрупкой секретарши, я решила задать возникший у меня вопрос в лоб:

– Арсен, скажите мне – только честно! – у вас с Ирой…

– Нет, нет и еще раз нет! – перебил меня Кечаян. – Мы не любовники. Я уже устал объяснять это всем подряд. Не знаю почему, но она меняется в лице всякий раз, когда на пороге моего кабинета возникает какая-либо женщина. У нее просто начинается тихая истерика. По-моему, Ира ненавидит весь женский род. Я слышал, что у нее недавно произошла какая-то неприятность на личном фронте, вот, наверное, у нее и стало с нервишками не в порядке. Я хочу ее в отпуск отправить, чтобы она немножко успокоилась. Думаю, путевка ей нужна на нашу турбазу. Ира у меня со дня основания «Ковчега», весьма ценный работник. Я взял ее, когда она еще училась на последнем курсе университета, а сейчас она учится в Академии государственной службы, на заочном отделении. Мы оплатили ей учебу. Очень милая девушка, аккуратная, исполнительная, вот только эти заскоки в последнее время… Они меня, честно сказать, уже немножко достают. Я не могу ее уволить – без нее будет очень тяжело, ведь Ира знает, где что лежит, какие контракты, с кем и когда были подписаны и так далее. Даже кто и где находится в данный момент, она знает. Женя, поймите меня правильно, я не могу сейчас выгнать Иру и взять на ее место нового человека. Мне это просто невыгодно. Ладно, хватит нам о ней говорить, мы, по-моему, отвлеклись от темы.

Арсен театрально вытянулся в струнку и слегка мне поклонился, пряча улыбку:

– Ну что же, мой глубокоуважаемый личный секретарь по особым поручениям, добро пожаловать в «Ковчег». Устраивайтесь, прошу вас, и чувствуйте себя как дома.

Мое рабочее место находилось около двери и представляло собой два стола, поставленных буквой Г так, что входящие люди не могли видеть, чем я занимаюсь, а я видела всех. На одном столе стояло два монитора, с первого взгляда очень похожих на настоящие компьютерные. Однако на самом деле эти мониторы были подключены к телеэкранам, находящимся в «видеозале». Я могла с их помощью быть в курсе всего, что происходит во дворе. Подключены они были к обычной клавиатуре. После нажатия определенных клавиш на экране мониторов появлялись разные изображения того, что в данный момент наблюдает на своих телеэкранах Миша.

Я села на свое рабочее место и глянула на мониторы. Пока ничего интересного я не увидела, поэтому занялась проверкой телефона, который был подключен к коммутатору. С помощью этого аппарата я могла прослушивать разговоры, которые ведут по телефону сотрудники офиса. К каждому офисному телефону я подключила записывающее устройство, так что все телефонные переговоры и номера входящих звонков фиксировались. Так, на всякий случай.

В приемной послышались какие-то голоса, через секунду дверь распахнулась, и в кабинет вбежала Лина. Она была одета в белый спортивный костюмчик, через плечо перекинута спортивная сумка, на ногах кроссовки. Наверное, она направлялась в бассейн. По причине своей беременности Лина перестала ходить в тренажерный зал, но от посещения бассейна не собиралась отказываться, тем более что ее лечащий врач рекомендовал не бросать это полезное занятие.

– Всем привет, доброе утро! На улице погодка чудесная, настроение у меня прекрасное, вот я и решила к вам сюда заскочить, вас проведать.

Она подбежала к мужу, звонко чмокнула его в щеку, потом развернулась и, скорее всего от избытка переполнявшей ее любви, хотела поцеловать и меня, но вовремя остановилась.

– Как у вас дела, мои родные? Я приехала еще и потому, что у меня есть для вас одна очень хорошая новость.

Со вчерашнего дня Лина считала меня полноправным членом их семьи. Наверное, поэтому она примчалась прямиком сюда и решила порадовать также и меня какой-то очень важной для их семьи новостью. Лина закружилась по комнате, откинув сумку в угол, и стала

громко напевать что-то очень красивое и мелодичное на непонятном мне языке. Арсен поймал ее.

– Линка, да ты с ума сошла! Ты что как угорелая носишься!? Ведь не первый раз беременная, знаешь, что тебе так нельзя скакать. Не дай бог с малышом что-нибудь случится.

– Не с малышом, а с малышкой!

– Да какая разница… – Арсен осекся на полуслове и удивленно посмотрел на Лину. – Не понял. Ты что имеешь в виду?

– Да, да! Ты не ослышался. С малышкой. Я сегодня с утра была в консультации. Специально к восьми поехала и сделала УЗИ. У нас будет дочка, Арсен! – Лина кинулась на шею мужу и крепко прижалась к нему.

Арсен осторожно обнял ее. Я скромно отвернулась. Накануне я пообщалась с Линой, пока она не легла спать, и только после этого мы смогли спокойно обсудить с Арсеном наши дела. В доме Кечаяна царил культ беременной женщины. Лину все просто обожали. Ей все разрешалось и все прощалось. Но, надо отдать должное ее здравому рассудку, она не садилась на шею мужу. В доме не наблюдалось беспричинного нытья и истерик на тему: «Вот ты меня не любишь, а другие…» Лина не капризничала, мол, это она не хочет, а хочет то, а через пять минут наоборот.

У одной моей подруги во время беременности дома был кромешный ад. Как-то, встретив ее мужа в совершенно пьяном состоянии, я решила подбросить его на своей машине до дома. Он был прилично одет, деньги у него с собой всегда лежали в бумажнике достаточно крупные, а вокруг уже собралась толпа подозрительных «друзей», которые весьма смахивали на бомжей с близлежащего вокзала. Они пили купленную им водку «Гжелка», запивали баночным пивом «Хольстен», закусывали копчеными курами и бананами, поэтому отдавать мне своего нового товарища не хотели ни в какую. После того как я чуть не пришибла парочку особо настырных бомжей, случайные собутыльники мужа моей подруги позорно сбежали, и я попыталась втащить парня в машину.

Однако не тут-то было! Он стал упираться, говорил, что домой не поедет, что лучше будет жить всю оставшуюся жизнь на лавочке, чем в одной квартире с беременной женщиной, что его жена вообще никакая не женщина, а самое настоящее чудовище. Вообще-то я прекрасно знаю его жену. Это тихая обаятельная женщина, которая ростом едва дотягивала до плеча своего мужа и всегда смотрела на него с обожанием.

Наконец всеми правдами и неправдами я втащила мужика в свою машину и довезла до дома. Но там он наотрез отказался выходить из нее и в течение чуть ли не получаса слезно просил меня разрешить ему пожить в моем авто пару месяцев, пока жена не родит. В это время из подъезда возникла его жена, моя подруга. Ее вопли до сих пор стоят у меня в ушах. Она орала страшным голосом, чтобы этот алкаш и забулдыга проваливал туда, откуда пришел, что вся ее жизнь загублена и чтобы он даже и в мыслях не держал то, что к ней когда-нибудь можно будет вернуться.

Бедный муж чуть не скончался от страха у меня в машине. Пришлось везти его к себе домой и объяснять тете Миле его появление. На следующее утро позвонила его супруга и жалостным голосом стала просить у всех прощения. Она клялась своему мужу в вечной любви и умоляла вернуться домой, обещая, что больше такое не повторится.

«Такое» повторялось стабильно раз в две недели. Она срывалась из-за пустяка и начинала орать на бедолагу мужа. Не выдержав массированной атаки, он сбегал к друзьям, где с горя принимал на грудь… Ну а дальше все шло по сценарию: отказ идти домой, помощь сердобольных друзей в транспортировке его до дома, встреча на пороге квартиры с разгневанной супругой, ночевка у одного из друзей, утренний звонок или приезд «мышонка», возвращение в лоно семьи. Все это продолжалось до родов. Теперь родившегося малыша в семье ласково

зовут «хомой», а отношения между супругами опять идеальные. С окончанием беременности закончились и проблемы.

У Лины же таких заскоков, как выяснилось, не возникало никогда, а тот скандал, который произошел в первый момент моего появления у них в доме, могла закатить любая.

Я решила оставить супругов одних на некоторое время, дабы они порадовались новости без меня, и вышла из кабинета. Проходя мимо стервозной секретарши Ирочки, я опять почувствовала на себе ее жуткий взгляд. Уходить далеко я не собиралась, поэтому решила заскочить к Вове и Илье и там подождать, пока Лина уйдет.

Занавесочка у окошка была задернута. Вова смущенно развел руками:

– Неудобно как-то, будто мы за ними подглядываем. Вы уж нас не ругайте за то, что мы ее закрыли. Мы откроем окошко, когда Элина Юрьевна уйдет, хорошо?

– Вы молодцы, ребята, – похвалила их я. – Сегодня же скажу шефу, что очень вами довольна. Я у вас хотела узнать про секретаршу Ирину. Что она за человек? Мне девушка показалась какой-то странной.

– Правильно показалась, – мрачным голосом заметил Илья. – Такая вредная стала последнее время, просто кошмар какой-то! Она, правда, вредной всегда была, но с недавних пор у нее явно с головой нелады.

Вова усмехнулся:

– Да жених от нее сбежал, теряя тапочки. Доконала она его. Он, кстати, тоже у нас работает, в отделе снабжения экспедитором. Мотался парень по командировкам, работал как проклятый, а она его постоянно доставала своей ревностью. Наши парни, кто вместе с ним ездил, голову на отсечение давали, что он налево ни ногой, ей, идиотке, объясняли, что любит он только ее. Но она никому не верила, скандалы Кирюхе устраивала, посудой в него бросалась. Сколько парень мучился, переживал из – за этой истерички! А потом ушел от Ирины и с Танькой из нашей бухгалтерии познакомился. Свадьба скоро. А как они вместе жить начали, так оба уволиться хотели – Рябова проходу им не давала. Еле уговорили их остаться. Платят ведь здесь хорошо и всегда вовремя. Свой детский садик есть. Турбаза от завода на острове, санаторий. И путевки копейки стоят. К нам рвутся на работу, да только устроиться трудно, вакансий свободных не бывает. Здесь все хорошо работают, потому что за места свои держатся. Это, конечно, пока секрет, но Кечаян Кирюхе с Танькой квартиру на свадьбу подарить собирается, документы уже почти все оформлены. Вот такой подарочек от родной организации. Представляю, как Ирка взбесится, когда узнает.

– Да уволит он ее на фиг! – Илья встал из-за стола и, посмотрев на часы, открыл дверцу маленького холодильничка.

Там на полочке красовались всевозможные баночки, бутылочки, коробочки с провизией. Видимо, подошло время первого завтрака. Илья вынул несколько сандвичей и засунул их в микроволновку. Достал несколько чистых стаканов, а Вова тем временем открыл упаковку апельсинового сока. Вежливо отказавшись от угощения, я вышла из комнатки.

Пока я разговаривала с ребятами, Ира делала себе маникюр.

При моем появлении в дверях она в мгновение ока смахнула щипчики и пилочку в открытый выдвижной ящик стола и внимательно уставилась на монитор компьютера, делая вид, что страшно занята. Надо заметить, что если бы не мой тренированный взгляд, то эти ее движения можно было и не уловить. Наверное, тоже натренировалась. При моем приближении секретарша начала набирать какой-то текст, стуча пальцами по клавиатуре, как злой дятел.

– Скажите, пожалуйста, Ирина, а супруга Арсена Баграмовича уже ушла? – спросила я елейным голоском.

– Пока нет, – чеканя слова, ответила секретарша, не отрываясь от работы.

– А можно я здесь в креслице посижу немного? Подожду, а? – Мне стало противно от собственного заискивающего голоса.

– Только не мешайте мне работать. Но вообще-то посторонним находиться здесь категорически запрещается.

Она наконец остановилась и посмотрела на меня, как на надоедливую муху.

– Какая же я посторонняя, если работаю здесь? – прикинулась я полной идиоткой.

– На нашем предприятии работают сотни человек, и это не означает, что все они должны толкаться в приемной и отвлекать меня от работы. Между прочим, через несколько минут начнется совещание, а вы мешаете мне. Если я не успею напечатать отчет к его началу, то буду вынуждена рассказать Арсену Баграмовичу, что именно из-за вас я не выполнила работу. Считаю разговор оконченным. Всего доброго.

Ирина снова уткнулась в монитор, а я буквально обалдела от подобной наглости. Если эта девица считает себя пупом земли, то она глубоко ошибается. Не таких я еще обламывала. Я поднялась и мерзким голосом заявила:

– Наше общение, дорогая моя, только начинается. И на правах коллеги хочу вам посоветовать на будущее: на рабочем месте надо работать, а не в ногтях ковыряться. Тогда все успевать будете.

Лицо секретарши окаменело, она с ненавистью посмотрела на меня. Я подошла к ее столу и рывком открыла ящичек, в котором при моем появлении исчезли маникюрные принадлежности. «Вот так вот, Ирочка, не одна ты здесь такая умная!» – мысленно завершила разговор я.

В это время в приемную вышли Арсен с Линой. Лица их светились от счастья. Они держались за руки.

– Вы куда подевались, Женечка? Мы даже не заметили, как вы вышли… – удивленно сказала Лина. – Не задерживайтесь сегодня на работе, у нас дома вечером намечается маленький праздник. И Владимира Ильича с собой возьмите.

Я удивленно вскинула брови. Это еще кто такой?

– У нас так Вову с Ильей прозвали – охранников Арсена. Они всегда в паре работают, – пояснила мне Лина.

Она поцеловала Арсена в щеку, помахала мне рукой и ушла.

Арсен сразу сделал строгое лицо, но в глазах его еще светилось счастье. Я, конечно, предупреждала Лину, чтобы она вела себя так, будто мы незнакомы, но все без толку. Видя такое отношение ко мне со стороны жены шефа, Ира выпучила на меня глаза.

– Женя, сейчас совещание начнется, пойдемте в кабинет, – не обращая внимания на взгляд секретарши, проговорил Арсен.

Я спокойно прошествовала за Кечаяном, мельком глянув на опешившую Ирину. Получи, фашист, гранату!

На совещании, которое устраивалось каждый день, обсуждался день прошедший и строились планы на день будущий. Собственно, это было нечто среднее между планеркой и пятиминуткой. В кабинет заходили люди и рассаживались вокруг стола, за которым пару часов назад сидели охранники. В течение следующих пятнадцати минут я пыталась вникнуть в дела «Ковчега». И поняла главное: дела у моего клиента идут отлично – продукция покупается, деньги крутятся приличные, предприятие процветает.

Невысокий пузатый дядечка, ежеминутно вытирая лысину носовым платком и немного заикаясь, сообщил, что контакты с иностранцами налаживаются. Накануне звонил некий Патрик из Англии и сказал, что в течение ближайшего месяца английская делегация прибудет в Тарасов, чтобы заключить контракт на поставку кечаяновских вин в туманный Альбион. Дядечка сокрушался: он только-только очухался после приезда канадцев, а тут уже и англичане на пороге. И вообще, штат его отдела не справляется со свалившейся на него работой, поэтому неплохо бы его расширить. До недавнего времени отдел занимался поставками вина по тарасовской и по некоторым другим областям России, а тут вдруг начальство размахнулось на Европу и Северную Америку. И он, начальник отдела сбыта Александр Сергеевич Лебедев,

слезно просит у руководства новых сотрудников, хотя бы парочку, но непременно со знанием английского языка. На худой конец, он предложил создать новый отдел – внешних связей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.